

НИКА ЖУК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ИЗНАНКА РУДОГОРСКА

18+

Ника Жук

Изнанка Рудогорска

<https://litres.ru/74483134>

SelfPub; 2026

Аннотация

Под заснеженными улицами Рудогорска спит древнее зло. И чтобы запереть дверь в Бездну, Ключу нужен тот, кто не даст ему сгореть.

Рудогорск — город заброшенных шахт, ледяного тумана и затаившегося страха. Здесь пульсирует Изнанка — темное измерение, выжигающее разум.

Кира жила обычной жизнью, пока внутри не проснулась сила «Ключа» — единственного источника, способного запечатать древний Разлом.

Влад — Привязанный. Оружие, чья кровь выжжена руническим ритуалом, а человеческая суть медленно уступает место хищному Зверю. У таких, как он, не бывает дома и будущего. Но когда на Киру открывается охота, а Бездна начинает требовать человеческую жертву, именно этот мрачный и опасный защитник становится её единственным укрытием.

Оказавшись в подземном бункере один на один с надвигающейся катастрофой, они вынуждены пройти путь от недоверия к безусловной верности. Но чем ближе они

подбираются к Сердцу Рудогорска, тем яснее становится: за закрытие Разлома Бездна потребует самую высокую цену.

Содержание

Изнанка Рудогорска	5
Пролог	7
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ника Жук

Изнанка Рудогорска

Изнанка Рудогорска

Под заснеженными улицами Рудогорска спит древнее зло. И чтобы запереть дверь в Бездну, Ключу нужен тот, кто не даст ему сгореть.

Рудогорск — суровый сибирский город заброшенных шахт, ледяного тумана и затаившегося страха. Здесь, под толщей гранита и бетона, пульсирует Изнанка — темное измерение, прорывающееся на поверхность и выжигающее разум. Кира жила обычной жизнью, пока внутри неё не проснулась сила «Ключа» — единственного ментального источника, способного навсегда запечатать древний Разлом.

Влад — Привязанный. Живое оружие Совета Стражей, чья кровь выжжена руническим ритуалом, а человеческая суть медленно уступает место хищному Зверю. У таких, как он, не бывает дома, романтики и будущего. Но когда на Киру открывается охота, а Бездна начинает требовать человеческую жертву, именно этот мрачный и опасный защитник становится её единственным укрытием.

Оказавшись в подземном бункере один на один с надвигающейся катастрофой, они вынуждены пройти путь от недо-

верия к безусловной верности. Но чем ближе они подбираются к Сердцу Рудогорска, тем яснее становится пророчество: за закрытие Разлома Бездна потребует самую высокую цену.

Пролог

«Если этот чертов город требует твою жизнь взамен на своё спасение, пусть он сгорит дотла. Мне не нужен мир, в котором тебя нет».

Мне было девять, когда мама впервые запретила мне смотреть в темноту.

До этого я никогда не боялась леса за шахтами. Все в Рудогорске обходили его стороной. Особенно зимой, когда снег возле старых выработок становился серым от угольной пыли, а ветер выл в пустых шурфах так, будто под землёй кто-то кричит. Но мне там даже нравилось. В детстве многие странности кажутся нормальными — пока взрослые не начинают бояться их вместо тебя.

В тот вечер валил крупный, тяжёлый снег. Тусклые придорожные фонари едва пробивали туман. Мама тащила меня за собой, слишком сильно сжимая мою ладонь. Пальцы уже ломило от холода и её хватки.

— Мам,пусти, — прошептала я, пытаюсь выдернуть руку.
— Больно же.

Она мгновенно ослабила пальцы, но даже не взглянула на меня.

— Извини, — выдохнула она. Голос был сухим и каким-то рваным.

Я задрала голову. Мама смотрела только вперёд и вбок —

туда, где за ржавой сеткой ограждения чернела глухая стена леса. Будто ждала, что оттуда кто-то выйдет. Вокруг стояла такая мёртвая тишина, что наш собственный шаг казался оглушительным. Где-то далеко, на ржавой вышке, сиротливо мигал красный сигнальный огонь.

Я до сих пор помню этот коктейль запахов: ледяной воздух, мокрый металл и горькая угольная пыль. И это липкое, зудящее чувство между лопаток — за нами наблюдают.

— Мам?..

Она не ответила, только почти побежала. И именно тогда сквозь свист ветра пробился чужой шёпот. Сначала один, потом второй, наслаиваясь друг на друга, пока кто-то отчётливо не произнёс прямо надо ухом:

— Она уже слышит.

Я резко замерла. Мама дернулась и остановилась тоже. Медленно, словно через силу, она повернулась ко мне. В её глазах застыло то, чего я никогда раньше не видела — дикий, парализующий страх.

— Кира, — её шёпот едва пробился сквозь шорох падающего снега. — Что бы ты сейчас ни слышала... не смотри в лес.

Конечно, я посмотрела. Дети всегда делают именно то, что им запрещают.

Сначала я увидела только привычные деревья и сугробы. Но затем от одного из стволов отделилась высокая фигура. Человек — или что-то, пытающееся им казаться. Он стоял

пугающе неподвижно. Лицо... у него не должно было быть такого лица. Кожа цвета пепла, неестественно широкий рот и абсолютно черные, без белков, глаза.

Он улыбался. Не мне. Маме.

А в следующую секунду из-за деревьев начали выходить другие. Много. Они двигались бесшумно, как тени. Кто-то слишком высокий и истощенный, кто-то передвигался рваными, ломаными толчками. У одной женщины руки были неестественно длинными — они плелись почти до самых колен. Чем дольше я смотрела, тем сильнее плыли их черты, словно человеческие лица были просто плохо натянутыми масками.

— Нет... — едва слышно выдохнула мама.

Её ладонь снова мёртвой хваткой вцепилась в мою руку.

— Мама...

— Не смотри на них, Кира!

Было поздно. Они уже смотрели на меня. Все до единого. И я каким-то животным чутьём поняла: они знают, что я их вижу.

Высокий пепельный мужчина сделал шаг к ограждению. Снег под его ногами даже не скрипнул.

— Она открылась слишком рано, — раздалось из леса. Звук шёл отовсюду сразу, будто несколько человек говорили в один голос.

Мама рванулась вперед, заслоняя меня собой.

— Назад! Не смейте к ней подходить!

Женщина с длинными руками качнула головой набок, пригнувшись:

— Ты не сможешь прятать её вечно.

— Смогу. — В голосе мамы звякнула сталь.

Высокий улыбнулся ещё шире, обнажая слишком мелкие, острые, как у акулы, зубы. У меня перехватило дыхание, в груди поселился ледяной холод.

— Кира, зажмурься! Быстро! — скомандовала мама, не оборачиваясь.

Я не успела. Земля под ногами резко пошла ходуном.

Глубоко под старыми шахтами раздался тяжёлый, глухой удар, словно под землёй проснулось что-то огромное. Чудовища в лесу разом замерли и опустили головы, прислушиваясь к гулу.

И в этой секундной тишине я услышала новый голос. Он шёл прямо из-под земли — вкрадчивый, шепчущий, вибрирующий в самых костях:

— Найди меня...

Сознание поплыло. Снег, туман, безумные маски вместо лиц — все закружилось в бешеном вихре. Мама резко развернулась ко мне, и на её лице был уже не просто страх — настоящий, первобытный ужас.

— Глаза! Закрой глаза, Кира!

Она с силой прижала ладонь к моему лицу. В ту же секунду мир вокруг взорвался ослепительной белой вспышкой. Тьму прорезал яростный, оглушительный крик — совсем не

человеческий, полный боли и злобы.

А потом всё оборвалось.

Глава 1

Я проснулась от монотонного, раздражающего звука капавшей воды.

Несколько секунд я просто лежала, уставившись в потолок и не открывая глаз, в надежде, что это прекратится. В квартире был собачий холод — батареи снова еле тёплые. За окном завывал ветер, швыряя в стекло липкую ноябрьскую жижу из дождевых капель и мокрого снега. Ноябрь в Рудогорске вообще всегда выглядел так, словно город включил режим медленного и мучительного вымирания.

Я вслепую пошарила по тумбочке и нащупала телефон. Экран мигнул, полоснув по глазам резким светом.

06:17.

— Да чтоб тебя... — прохрипела я в подушку.

Будильник должен был заорать только через двадцать минут, но лимит на сон явно исчерпался. Уснуть обратно под это капанье уже не получилось бы при всем желании.

Кап. Кап. Кап.

Я нехотя села на кровати, кутаясь в одеяло, и уставилась в серые утренние сумерки. В голове тяжёлым осадком оседали обрывки очередного кошмара. Опять тот же сон. Даже не сон, а будто навязчивое воспоминание: глухая стена леса, серый от угольной пыли снег, панический мамин шепот и... что-то ещё. Что-то, что стояло на самой периферии

памяти. Стоило попытаться сосредоточиться, ухватиться за деталь — и всё ускользало, оставляя лишь фантомный запах мокрого металла. Как слово, которое вертится на языке, но никак не вспоминается.

Я шумно выдохнула и спустила ноги с кровати. Линолеум обжёг ступни ледяным холодом.

— Прекрасно. Просто шторм позитива с самого утра.

Маленькая хрущевка встретила меня привычной глухой тишиной. Клаустрофобная кухня, дребезжащий старый холодильник, тусклый, бьющий по глазам свет одинокой лампы над плитой. Всё как всегда. Серо, тесно, неудобно.

Пока закипал чайник, я подошла к окну. С пятого этажа Рудогорск казался декорацией к какому-то депрессивному артхаусу. Чёрные силуэты многоэтажек, грязные пятна жёлтых фонарей, тяжёлый сырой туман, зажатый между домами, и валяющийся из заводских труб жирный пар. А где-то там, на самом горизонте, сквозь пелену снегопада угадывались очертания старых шахтных вышек. Даже отсюда они казались конвоирами, охраняющими этот глухой угол.

Иногда мне чудилось, что город вообще никогда не спит по-настоящему. Будто глубоко под этими серыми панельками, в заброшенных шурфах, непрерывно идёт какая-то чужая, скрытая от глаз жизнь.

Я мысленно отвесила себе пощёчину и усмехнулась.

«Отлично, Кира. Прогресс налицо. Ещё неделя в таком режиме — и начнёшь обсуждать политику с батареями».

Чайник надсадно щёлкнул, отключаясь. Я плеснула в кружку растворимого кофе покрепче, натянула огромную, растянутую серую толстовку и наконец разблокировала телефон. На экране висели три сообщения от Евы, присланные с разницей в минуту:

«Ты жива?»

«Или опять дрыхнешь, забив на будильник?»

«Если не ответишь в течение пяти минут, я иду продавать твои вещи на Авито».

Я невольно фыркнула. Вся её сущность в трёх строчках.

«Жива я», — быстро набила я.

Ответ прилетел мгновенно, будто она караулила чат:

«Жаль. А я уже присмотрела покупателя на твой торшер».

На губах сама собой появилась слабая улыбка. Наверное, Ева была единственным человеком, ради которого я ещё вылезала из своей раковины. С ней не нужно было натягивать дежурную маску «все в порядке» и изображать жизнерадостную идиотку. Жизнерадостность вообще не входила в список моих талантов. Особенно в последнее время.

Я открыла шкаф и несколько секунд тупо смотрела на вешалки, словно надеясь, что там из ниоткуда материализуется что-то приличное. Чуда не произошло. Чёрные скинни, чёрная водолазка, свободная тёмная куртка. Какая неожиданность, Кира, ну надо же. Весь мой гардероб уже пару лет собирался по принципу: «если тебя переедет самосвал, грязь

на одежде будет не так заметна».

Мысль показалась забавной. Как выяснилось позже — очень зря.

На улице царил форменный ад.

Под ногами хлюпала грязная каша из мокрого снега и реагентов. Машины уныло ползли по обледеневшей дороге, щедро окатывая прохожих серой жижей из-под колес. Люди вокруг выглядели так, словно их везли на каторгу. Впрочем, Рудогорск и счастье вообще были вещами из параллельных вселенных.

Я шла к автобусной остановке, поглубже засунув руки в карманы и пытаюсь игнорировать тупую, давящую боль в затылке. Последние месяцы превратились в сплошной кошмар. Нормальный сон стал роскошью: меня душила либо бессонница, либо те самые рваные сны из детства. А днём не оставляло параноидальное, липкое чувство чужого взгляда между лопаток.

Терапевт в поликлинике, даже не поднимая глаз от карточки, буркнул, что это «типичный синдром хронической усталости и стресс». Потрясающе полезный диагноз. Без диплома медицинского я бы, конечно, сама не догадалась.

ПАЗик подкатил к остановке с утробным, ржавым скрипом. Внутри салон встретил меня удушливой смесью запахов мокрой шерсти, дешёвого табака и чьих-то кислых духов. Я протиснулась к свободному месту у окна и сразу уткнулась лбом в холодное, покрытое разводами стекло. За окном уны-

ло побежали серые фасады, неоновые вывески круглосуточных алкомаркетов и обшарпанные советские дворы. Город словно застрял во временной петле между девяностыми и бесконечным «сегодня», так и не решив — стоит ли ему жить дальше или проще окончательно загнуться.

В кармане завибрировал телефон. На экране высветилось имя Евы.

— Ну? — сонно пробормотала я вместо приветствия, прижав трубку к уху.

— Голос такой, будто тебя эксгумировали против воли, — вместо «привет» отозвалась она.

— Почти угадала. Меня поднял звук капающего крана.

— Отлично. Значит, ты в сознании и не проспешь смену. Ты ко мне в кофейню зайдёшь вечером? Если нет, я приду и притащу тебя за шкуру.

— Как романтично.

— Я чертовски стараюсь, Кира.

На заднем плане у неё коротко звякнула посуда, послышался гул кофемашины и чьи-то голоса. Ева резко понизила тон, и в её голосе зазвучали непривычные серьёзные нотки:

— Слушай... ты опять не спала, да?

Я промолчала. Пауза затянулась слишком сильно, выдавая меня с потрохами.

— Кира.

— Спала я, Ева. Все нормально.

— Врёшь паршиво. У тебя даже интонации сейчас уста-

лые.

— Спасибо за комплимент.

Ева тяжело, шумно вздохнула в трубку.

— Я серьёзно. Может, сходишь к нормальному платному врачу? Ну нельзя же так.

— Чтобы он выслушал меня и выписал очередной рецепт на глицин?

— Чтобы он выписал тебе нормальные рецепты, дуручка. На колеса, от которых ты хотя бы перестанешь хоронить себя заживо.

— Мне двадцать четыре, Ева. Если я сяду на жёсткие транквилизаторы сейчас, к тридцати годам официально стану местной сумасшедшей ведьмой.

— Ты и так выглядишь как ведьма. Мрачная, в чёрном и вечно караулишь темноту.

— Какая забота, я прямо тронута.

Я уже собиралась съязвить ещё что-то в ответ, как вдруг автобус резко, с диким скрежетом тормозов дёрнулся вперёд.

Пассажиры недовольно зашумели, кто-то полетел на переднее сиденье, за окном яростно и надсадно засигналила какая-то легковушка. Водитель разразился сочным матом на весь салон.

Но я почти не услышала этого. В секунду остановки воздух вокруг меня будто разом стал гуще и тяжелее, превращаясь в липкий кисель. Лёгкие сковал внезапный спазм. На лоб

выступил холодный пот, а по шее — точь-в-точь как в моем утреннем кошмаре — поползло то самое зудящее, омерзительное чувство чужого взгляда. Настолько материальное, словно кто-то коснулся кожи ледяными пальцами.

Я нахмурилась и медленно подняла голову от стекла.

В салоне все было как обычно. Раздраженные лица, люди, уставившиеся в экраны смартфонов, парень в наушниках. Ничего странного. Но паника внутри нарастала с каждым ударом сердца. Меня буквально заставляло обернуться.

Я медленно, через силу повернула голову назад, вглубь автобуса.

На самом заднем сиденье сидела женщина в глухом темном пальто. Я готова была поклясться на чем угодно: секунду назад этого места никто не занимал. Она сидела идеально прямо, неестественно неподвижно, проигнорировав резкий толчок автобуса.

И она смотрела прямо на меня. В упор. Не мигая.

Внутри у меня все заледенело, обрывая дыхание. Женщина улыбалась. Её улыбка была пугающе, анатомически невозможной — слишком широкой, обнажающей ровный ряд зубов. Кожа на её щеках натянулась так сильно, словно человеческое лицо было всего лишь маской, едва сдерживающей то, что находилось под ней.

— Кира? — далёкий, пробивающийся сквозь пелену паники голос Евы из трубки казался теперь звуком с другого конца вселенной. — Кира, ты тут?! Что там у вас происхо-

дит?

Я не могла выдавить ни слова. Горло пересохло.

Потому что в этот момент женщина на заднем сиденье медленно, ломаным движением наклонила голову набок. И её резиновая, мёртвая улыбка стала ещё шире.

Глава 2

Я моргнула — судорожно, до боли сжав веки.

А когда открыла глаза и снова посмотрела назад, сиденье было пустым. Женщина исчезла. Просто растворилась, словно её и не было.

Сердце колотилось в рёбра с такой силой, что в ушах стоял глухой гул, а к горлу подступила тошнота. Так бывает, когда чудом успеваешь отпрыгнуть от несущегося на тебя автомобиля.

— Кира? — в трубке раздался уже откровенно раздражённый голос Евы. — Алло! Ты там зависла, что ли?

Я заставила себя сделать глубокий вдох, разжижая застрявший в груди ледяной ком.

— Да... Да, прости. Сеть тупит, полтора деления показывает.

— Ты меня пугаешь. Что у тебя с голосом?

— Это взаимно. Переживу.

— Очень смешно.

Я еще раз, уже более осознанно, обвела взглядом заднюю площадку ПАЗика. Пусто. Точнее, обычно. Какой-то работяга в потрепанной серой шапке дремал, уткнувшись носом в воротник куртки, а рядом сидела пара школьников со смартфонами. Никакой женщины. Никакой жуткой, резиновой улыбки.

Я с силой провела ладонью по лицу, размазывая выступивший холодный пот. Хронический недосып. Фоновая тревожность. Паническая атака наложилась на воспоминания из кошмара. Наверное. Очень хотелось бы в это верить.

— Ладно, — выдохнула Ева, судя по звуку, переключаясь на пришедшего клиента. — Увидимся вечером в кофейне. И постарайся сегодня не сдохнуть по дороге.

— Ничего не обещаю.

— Вот именно поэтому у тебя до сих пор нет нормальных отношений. Всё, целую.

Я сбросила вызов и сунула телефон в карман. Автобус снова дёрнулся, переваливаясь через очередную выбоину. За окном всё так же тянулся серый, заспанный город, но липкое, зудящее чувство чужого взгляда никуда не делось. Оно словно въелось под кожу, прямо между лопаток. Я попыталась заткнуть этот внутренний мандраж музыкой, воткнув в уши наушники, но меняхватило от силы на пару треков. Я ловила себя на том, что каждые две минуты сканирую салон, вглядываюсь в тёмные отражения на стёклах и ищу глазами то самое пальто.

Господи, да что со мной происходит?

Рабочий день превратился в одну сплошную серую полосу.

Я сидела за кассой нашего книжного, делая вид, что сверяю накладные на новые поступления, хотя на самом деле

уже в четвёртый раз перечитывала одну и ту же строчку в аннотации детективного романа. Буквы плыли перед глазами.

— Кира.

Я ощутило вздрогнула, едва не выронив тяжёлую книгу.

Олег, мой сменщик, стоял у стойки, лениво помешивая кофе в керамической кружке.

— Ты опять в астрал улетела? — спросил он, прищурившись. — Клиент три минуты стоял, ждал, пока ты ему сдачу додашь. Благо, парень вежливый попался.

— Прости. Думаю над смыслом жизни.

— Надумала чего?

— Неа. Зато наконец сообразила, куда впихнуть эту партию депрессивной скандинавской прозы. На нижнюю полку у входа, пусть сразу задаёт тон.

Олег коротко фыркнул, отпивая кофе.

— Твои шутки становятся всё мрачнее. Это пугает.

Я слабо улыбнулась и потерла виски. Голова раскалывалась, внутри черепной коробки словно ворочался тупой ржавый штырь. В магазине было слишком тепло и душно, пахло сухой бумажной пылью и старым картоном. Где-то над ухом тихо и монотонно бубнило радио. И весь день меня преследовало удушливое ощущение, будто кто-то стоит прямо у меня за спиной. Чуть ли не дышит в затылок.

Я несколько раз резко оборачивалась, до хруста в шее. Никого. Только ровные ряды стеллажей.

К обеду паранойя вышла на новый уровень. Проходя ми-

мо секции подарочных изданий, я краем глаза поймала тёмный силуэт в стеклянной дверце шкафа. Кто-то стоял позади меня — высокий, размытый, неестественно неподвижный.

Я крутанулась на пятках так резко, что закружилась голова.

Пусто. Только блёклые лампы под потолком да пожилая женщина, увлечённо копающаяся в мягких обложках на дальней полке.

— Кир, ты точно в порядке? — Олег проводил меня тяжёлым, обеспокоенным взглядом, когда я вернулась за кассу.

— Смотря что считать порядком, Олег. Физиологически — да, вполне.

— Очень обнадёживает, — он покачал головой. — У тебя круги под глазами такие, будто тебя ногами били.

Я заставила себя глубоко выдохнуть и расправить плечи.

— Просто плохо спала. Всё нормально.

— Ты выглядишь так, будто не спала с прошлого месяца.

Я промолчала, потому что спорить не было сил. Да и доля правды в его словах присутствовала. К закрытию смены в голове стоял такой плотный, чугунный гул, что я едва сообщала, какие кнопки нажимаю на кассовом терминале.

На улице окончательно стемнело, причём как-то резко. Мокрый снег превратился в хлёсткий, ледяной дождь. Ветер швырял пригоршни колючей воды прямо в лицо, заставляя задыхаться.

Я посильнее натянула капюшон куртки и быстрым шагом припустила в сторону автобусной остановки. В кармане настойчиво зажужжал телефон. Ева.

«Ты где ползаешь? Смена закончилась пятнадцать минут назад».

«Иду уже. Почти у остановки», — набила я закоченевшими пальцами.

«Если сольёшься и поедешь домой — я тебя прокляну. Мой кофе тебя ждёт».

«Поздно, Ева. Я, кажется, уже проклята».

Экран оставался тёмным секунд пять. Затем пришёл ответ:

«Опять твои шуточки из палаты номер шесть. Жду тебя через десять минут».

Я слабо усмехнулась, убирая мобильный, и именно в эту секунду взгляд зацепился за противоположную сторону улицы.

Там, прямо под мигающим, жалобно трещащим фонарём, стоял человек. Высокий, завёрнутый во всё тёмное. Он не пытался укрыться от дождя, не прятал лицо, не двигался. Он просто смотрел на меня через дорогу. В упор.

Я невольно замедлила шаг, чувствуя, как по позвоночнику пробежала ледяная волна. Лица из-за темноты и пелены дождя было не разглядеть, но сам его силуэт... Мимо него проносились машины, обдавая тротуар грязными брызгами, торопливо пробегали редкие прохожие, укрывшись под зон-

тами, но никто — вообще никто — не обращал на него внимания. Словно его там не было.

А я не могла оторвать глаз. Потеряла контроль над собственным телом.

Ветер рванул с новой силой, швырнув мне в глаза порцию ледяных капель. Фонарь над незнакомцем надсадно затрещал и на секунду полностью погас, погружая ту сторону улицы во тьму. И в этой вспышке темноты мне показалось, что очертания фигуры исказились. Силуэт вытянулся вверх, став неестественно, уродливо худым, а вдоль тела плетями повисли длинные, ломаные руки — почти до самых колен. Точь-в-точь как у той женщины из моего кошмара.

Свет вернулся. На тротуаре снова стоял обычный, ничем не примечательный прохожий в куртке.

Меня резко, до дрожи бросило в пот. Нет. Нет-нет-нет. Это просто галлюцинации от усталости. Игры разума. Мозг подсовывает картинки из утреннего сна, потому что я на нем заиклилась. Скоро я окончательно сойду с ума, если не выплюсь.

Человек на той стороне вдруг сделал шаг с бордюра на проезжую часть. Медленно. Пугающе плавно. И я спинным мозгом поняла: он идёт ко мне.

Живот скрутило тугим узлом от паники. Я резко отвернулась и почти побежала вперёд по тротуару. *Спокойно. Не паникуй. Не вздумай бежать как сумасшедшая.* Но сквозь плотный шум проезжающих машин и шелест дождя я от-

чётливо слышала шаги позади себя. Медленные. Тяжелые. Хлюпающие по грязной каше.

Я ускорила. Шаги за спиной синхронно набрали темп, удерживая дистанцию. Безумно хотелось обернуться, но первобытный, животный страх сковал шею — я понимала, что если посмотрю назад, пути назад уже не будет. Мир окончательно сломается.

В кармане снова бешено задёргался телефон. От неожиданного резкого вибросигнала я вздрогнула всем телом, едва не поскользнувшись на обледенелом асфальте.

И в это же мгновение прямо над моим ухом, перекрывая гул ветра, раздался сухой, шелестящий шёпот, состоящий как будто из нескольких голосов сразу:

— Ты не должна нас видеть.

Я сдавленно вскрикнула и резко развернулась, выставив перед собой руки.

Позади никого не было. Мокрая, пустая улица. Тусклые столбы фонарей. Спешащие где-то вдалеке люди. И большая, глубокая чёрная лужа прямо у моих ног, под забитым стоком бордюра.

Лужа, в тёмной воде которой отчётливо отражался силуэт существа с длинными руками, стоящего прямо у меня за спиной.

Глава 3

Я не сразу поняла, что перестала дышать. Просто стояла, оцепенев, пока ледяные капли дождя медленно затекали за шиворот, обжигая кожу.

В черном зеркале лужи за моей спиной отчетливо виднелся силуэт. Слишком высокий, с неестественно вытянутыми пропорциями. Его контуры едва заметно подёргивались и шли рябью, как помехи на экране старого неисправного телевизора.

Я резко крутанулась на месте, готовая закричать.

Никого. Только какая-то груженная тяжёлыми пакетами женщина протиснулась мимо, едва не задев меня плечом, и наградила на редкость свирепым взглядом.

— Девушка, ну вы чего посреди дороги застыли? Дайте пройти!

Я ничего не ответила, язык словно прирос к нёбу. Опустив глаза, я снова посмотрела на воду. Отражение никуда не делось. Проходящая уже миновала меня, а тень в луже осталась. И теперь это существо медленно, ломаным, судорожным движением наклоняло голову набок. Точь-в-точь как та женщина в автобусе.

Внутри всё окончательно оборвалось. Я панически шагнула назад, подошва с плеском опустилась в воду, дробя картинку на тысячи осколков. Когда круги на воде улеглись, на

дне лужи колыхалось лишь серое ноябрьское небо и раскачивающиеся ветки деревьев.

Всё. С меня хватит.

Я развернулась и почти бегом припустила к кофейне Евы. Сердце колотилось где-то в районе гортани, мешая делать вдохи. Я больше не пыталась уговорить себя, что мне показалось, или списать всё на банальный стресс. Потому что нормальным это не было. Никакой, даже самый жёсткий недосып не заставит лужи жить собственной жизнью.

Яркий, почти праздничный свет кофейни резанул по глазам до боли. Зато густой, обволакивающий запах свежемолотого зерна и сладкой выпечки сработал как резкий укол нашатыря, немного возвращая меня в реальность.

Ева стояла за кассовой стойкой и с привычным жаром что-то доказывала завсегдатаю в дутой куртке и смешной вязаной шапке.

— Нет, Никита, я серьёзно: если ты ещё раз закажешь большой латте с шестью порциями орехового сиропа, я прямо отсюда вызову тебе скорую.

— Это чистой воды дискриминация по вкусовому признаку! — притворно возмутился парень.

— Это жёсткая, но необходимая забота о твоей поджелудочной.

Я невольно издала слабый звук, похожий на смешок. Ева тут же вскинула голову, поймав мой взгляд, и дежурная улыбка моментально сползла с её лица. Она осеклась на по-

луслове.

— Ого...

— Что? — я постаралась придать голосу будничный тон, но он сорвался на сип.

— Ты выглядишь так, будто увидела призрака.

— Спасибо, обожаю твои комплименты.

— Кира, я не шучу.

Ева наскоро кивнула Никите, молниеносно вышла из-за стойки и в два шага оказалась рядом со мной. Ладонью я попыталась поправить мокрый капюшон и только в этот момент осознала, что мои пальцы мелко и неудержимо дрожат, как при лютom морозе. Подруга перехватила мою руку, её лоб прорезала глубокая складка.

— Да у тебя лед вместо кожи. Что стряслось?

Я открыла было рот, но тут же судорожно захлопнула его обратно. И что мне ей вывалить? *«Привет, Ева, за мной по городу шастают безглазые монстры со слишком широкими улыбками, и они передают мне приветы через отражения в сточных водах»?*

Восхитительный план. Самый быстрый способ получить бесплатную путёвку в загородную психиатрическую лечебницу.

— Просто... день выдался дерьмовым. Очень, — тихо выдавила я.

Ева смерила меня долгим, пронизывающим взглядом. Разумеется, ни в одно моё слово она не поверила, но развивать

тему при посторонних не стала.

— Пошли.

Она требовательно мотнула головой в сторону двери с табличкой «Служебное помещение».

— Я заварю тебе двойной эспresso. Или налью чего покрепче из заначки шефа. Смотря по шкале катастрофы.

— Давай сразу второе.

— Вот теперь узнаю подругу.

Спустя пару минут мы уже сидели в тесной полутемной подсобке, заставленной коробками с брендированными стаканчиками, бутылками сиропов и мешками с кофе. Ева вложила в мои руки огромную толстостенную кружку.

— Пей.

— А если ты туда подмешала яд? — попыталась сострить я, глядя на тёмную жидкость.

— Тогда ты наконец-то проспишь двенадцать часов подряд.

Я слабо фыркнула и сделала глоток. Обжигающая жидкость прокатилась по пищеводу, приятно согревая онемевшие пальцы. Вот только липкая, удушливая тревога внутри никуда не делась. Наоборот, в замкнутом пространстве подсобки она словно сгустилась, давя на барабанные перепонки.

— Кира, ты опять караулила потолок всю ночь? — осторожно, сбавив тон, спросила Ева.

— Почти.

— Господи...

Я отвела взгляд, не выдержав жалости в её лице. Кончики пальцев снова закололо.

— Мне кажется... Ев, со мной реально что-то не так.

Слова вышли едва различимыми, почти шёпотом. Подруга тут же подобралась, маска лёгкой иронии окончательно слетела.

— В каком смысле?

Я замялась, глядя на колыхание тёмной жидкости в кружке. Стоит ли делиться? Нет, это чистой воды безумие. Ведь если облечь страх в слова, он обретёт вес и плоть, станет окончательно реальным.

— Я просто... начала замечать странные вещи. Вокруг.

— Например?

Я нервно, рвано усмехнулась и вскинула руки, очертив пальцами воздушные кавычки:

— Предупреждаю, сейчас прозвучит максимально «весело».

— Выкладывай. Меня тяжело удивить.

Помявшись еще пару секунд, я всё-таки выдохнула:

— Иногда мне кажется, что люди вокруг... выглядят как-то неправильно.

В подсобке повисла тишина. Короткая, звенящая пауза, которой, впрочем, хватило с лихвой, чтобы я успела трижды проклясть себя за длинный язык и почувствовать себя законченной сумасшедшей.

— Неправильно — это как, Кир? — мягко, чересчур бе-

режно, словно с хрустальной, спросила Ева.

— Я не знаю, — я судорожно сдавила ладонями виски, где пульсировала тупая боль. — Словно... будто у них на долю секунды плывут и меняются лица. Будто человеческая кожа — это просто маска, которая сидит криво.

Ева молчала. Ну всё, приехали. Сейчас она аккуратно заберёт у меня кружку, выйдет и наберёт скорую психиатрическую.

Но подруга вместо этого как-то изломанно вздохнула и тихо спросила:

— Это началось после той аварии?

Я удивлённо вскинула на неё глаза.

— Что?

— Ну, когда ты сильно разбилась три года назад. Ты же тогда головой приложилась, сотрясение было тяжёлое. Может, это отголоски?

— Врачи сказали, что всё зажило без последствий... — пробормотала я, хотя внутри шевельнулось неприятное, колющее сомнение.

— Врачи много чего говорят.

Ева долго и как-то щемяще-грустно смотрела на меня. А потом добавила:

— Наверное, это действительно запредельный стресс и выгорание наложились на старую травму.

— Ага.

— Но... — она замялась.

— Что «но»?

— Ты сейчас бледная как мертвец. Тебя буквально трясёт.

Я уже набрала в лёгкие воздуха, чтобы отшутиться в своём репертуаре, как вдруг в зале оглушительно, натянуто звякнул колокольчик входной двери. Ева заметно вздрогнула.

— Странно. Время почти десять, мы через пять минут закрываемся. Поздновато для случайных клиентов.

Она поднялась со стула. И в то же мгновение по подсобке прокатилась невидимая волна. Воздух вокруг меня мгновенно стал плотным, вязким, как остывающий клей. Стены словно сдвинулись. По шее, заставляя волоски встать дыбом, поползло то самое омерзительное, ледяное ощущение чужого взгляда.

Я резко выпрямилась. Из-за тонкой стены донеслись шаги. Медленные, тяжёлые, шаркающие. От этого звука у меня в груди все сковал первобытный ужас.

Ева недовольно нахмурилась и сделала шаг к выходу:

— Сейчас разверну полуночника и вернусь.

— Не надо! Подожди! — я рванулась вперед, перехватив её за локоть.

Она удивлённо обернулась:

— Ты чего?

Я сама не знала «чего». Но каждая клетка моего тела, каждый инстинкт дико, истошно орали: *не смей открывать эту дверь, не выпускай её туда.*

— Не ходи, — сорванным шёпотом попросила я.

Ева посмотрела на меня как на умалишённую, мягко, но уверенно высвободила руку:

— Кир, ну ты чего, это просто клиент. Я быстро.

Дверь за ней закрылась. Я осталась одна в четырех стенах подсобки. Окружающая тишина внезапно стала оглушительной, до звона в ушах. Я с пугающей чёткостью слышала натужный гул компрессора холодильника, завывание ветра в вентиляции и прерывистый свист собственного дыхания.

А затем прямо за дверью, на расстоянии полуметра от меня, раздался голос. Очень тихий, шелестящий, сотканный будто из нескольких хриплых голосов одновременно:

— Она здесь...

Всё внутри меня превратилось в кусок льда. На неслушающихся, ватных ногах я сделала шаг к двери, протягивая руку к ручке.

И в этот момент в основном зале кофейни с оглушительным, страшным грохотом что-то обрушилось — полетела посуда, зазвенело бьющееся стекло. А следом раздался полный чистой, неподдельной паники крик Евы. Он оборвался на самой высокой ноте.

Глава 4

Я вышибла дверь подсобки прежде, чем успела сообразить, что делаю. Сердце грохотало в груди так бешено, словно пыталось проломить ребра и вырваться наружу.

В зале кофейни царило мертвенное запустение. Никаких следов борьбы, кроме одной-единственной перевёрнутой керамической чашки у кассы — из неё на чистый пол лениво расплзлось широкое, маслянистое тёмное пятно недопитого кофе.

— Ева?

Мой голос прозвучал на редкость хрипло и жалко. Ответа не последовало.

С улицы через панорамные окна тянулся мокрый, размытый свет редких фонарей. Внутри зала горела едва ли половина ламп, из-за чего уютное ещё десять минут назад помещение казалось склепом, полным давящих, неестественно длинных теней.

— Ева?! — выкрикнула я громче, делая шаг вглубь зала.

И тут же замерла. Из темноты дальнего угла донёсся тихий, отвратительный звук. Сухой, монотонный скрежет — словно кто-то медленно, с нажимом проводил отросшими когтями по декоративной штукатурке стены.

Во рту моментально пересохло, по затылку побежали ледяные иглы. Нет. Нет-нет-нет.

Я уже набрала в лёгкие воздуха, чтобы позвать подружку снова, когда за барной стойкой что-то коротко, судорожно дёрнулось. Я резко развернулась всем телом. Никого не было видно, но я была готова поклясться на чем угодно — там, внизу, за перегородкой, было движение.

На цыпочках, стараясь не дышать, я подошла ближе. Половица под кроссовком предательски, оглушительно скрипнула.

— Ева, прекрати, это вообще не смешно, — позвала я, чувствуя, как голос даёт слабинку.

В ответ — плотная тишина, разбавляемая лишь шорохом дождя, хлеставшего по стёклам. И снова этот скрежет. Теперь он шёл откуда-то снизу.

Я медленно, преодолевая сопротивление собственного тела, заглянула за стойку. И едва не вскрикнула, вовремя зажав рот ладонью.

Ева сидела на полу, намертво прижавшись спиной к нижним шкафчикам кофемашины. Лицо у неё было белым, как овечья шерсть, а расширенные зрачки почти полностью затопили радужку. Вся её фигура мелко, неудержимо дрожала.

— Господи... — я мгновенно опустилась на колени рядом с ней. — Что случилось?! Где он?!

Она вцепилась в мои запястья с такой силой, что пальцы тут же онемели от боли. Её ногти буквально ввелись в мою кожу.

— Там... там кто-то был... — судорожно, со свистом вы-

дохнула она.

— Где? Кто?

Ева попыталась сглотнуть, её подбородок затрясся:

— Я думала, припозднившийся клиент. Колокольчик звякнул, дверь открылась... Я вышла к стойке, а там никого. Вообще никого, Кира, пустой зал! А потом...

Она осеклась, задыхаясь от нахлынувшего ужаса.

— Что «потом», Ева? Говори!

— Я слышала голос. Прямо над ухом. Будто кто-то стоял вплотную, со спины...

Внутри меня всё рухнуло в глухую, ледяную бездну.

— Что он сказал?

Ева медленно, словно через силу, подняла на меня полные слез глаза:

— Он спросил... Он спросил: «Она уже видит?»

Воздух за стойкой будто разом превратился в жидкий азот. Меня заколотило так, что зубы начали выбивать дробь. Нет. Этого просто не может быть. Кошмар прорывался наружу. Но ведь Ева — обычный человек, она не должна иметь к этому никакого отношения! Или должна?

— Кира... — её шепот сорвался на плач. — Что происходит? Что это такое?!

Я не знала, что отвечать. И эта беспомощность пугала сильнее любого монстра. Потому что происходящее больше не было моей личной галлюцинацией или следствием старой травмы. Оно стало осязаемым, опасным.

Сухой скрежет повторился, на этот раз прямо над нашими головами, по деревянной обшивке стойки.

Мы обе замерли, перестав дышать. Синхронно, сантиметр за сантиметром, мы подняли взгляды вверх. Напротив нас стояла кондитерская стеклянная витрина. И в её тёмной глянцевой поверхности, подсвеченной уличным фонарём, отчётливо отражалось то, что стояло прямо за нашими спинами.

Высокая, угольно-черная фигура. Неестественно длинные, изломанные в суставах руки-плети свисали почти до пола, а карикатурно вытянутое лицо плавало в полумраке.

Ева судорожно, со свистом втянула воздух сквозь зубы: — Ты... ты тоже это видишь?...

Я не успела издать ни звука. Лампы над стойкой бешено мигнули раз, другой, затрещали — и в третью вспышку тьмы силуэт в отражении оказался на три шага ближе. Почти вплотную.

Ева истошно взвизгнула. Я на инстинктах крутанулась назад, закрывая её собой.

Пусто. Никого. Но воздух вокруг стал удушливым, наэлектризованным, и в нос ударил отчётливый, тошнотворный запах болотной сырости и гнилого мяса.

А в следующую секунду за нашей спиной — там, где была входная стеклянная дверь — раздался новый звук. Кто-то медленно, с жутким, скрипучим нажимом провёл когтями по панорамному стеклу. Протяжно, так, что заныли зубы.

Мы обе, не сговариваясь, повернули головы к выходу. На тёмной улице никого не было. Только стена дождя, туман и пустая дорога. Но прямо на наших глазах на толстом стекле изнутри или снаружи начали медленно, со скрежетом проступать глубокие белесые царапины. Они тянулись сами собой, будто их чертил невидимка.

Ева мёртвой хваткой вцепилась в рукав моей толстовки.
— Кира... Кирочка, пожалуйста...

Я молчала, потому что из горла не могло выйти ни звука. Прямо за стеклом двери, сквозь пелену тумана, начало формироваться лицо. Медленно, словно выдавливаясь из самой темноты ночи.

Сначала проступил мертвенно-серый лоб. Затем глубокие, абсолютно чёрные провалы глазниц без белков. А следом — пугающая, анатомически невозможная улыбка.

Я узнала её в ту же секунду. Та самая пепельная женщина из автобуса. Вот только теперь её маска окончательно сползла: рот растянулся до самых ушей, кожа на щеках натянута до треска, а из-под синюшных губ тускло блеснули ряды мелких, острых, как у акулы, зубов.

Она смотрела прямо сквозь стекло. Смотрела на меня. И улыбалась.

Ева рядом со мной тихо, обречённо всхлипнула. А тварь за стеклом вдруг медленно, ломаным движением подняла руку с неестественно длинными пальцами и отчётливо постучала костяшкой ногтя по стеклу.

Тук.

Тук.

Тук.

Будто вежливо просила впустить её внутрь.

Глава 5

Мы замерли. Перестали дышать. В наступившей мёртвой тишине я слышала только прерывистый, сиплый выдох Евы прямо мне в ухо и оглушительные, тяжёлые удары собственного сердца.

Женщина за стеклом продолжала улыбаться. В тусклом свете её лицо казалось грубой, наспех натянутой маской — будто чужую кожу натянули на череп, который был гораздо шире и уродливее, и теперь этот суррогат вот-вот лопнет по швам.

Тук. Длинный, пожелтевший ноготь снова коснулся стекла. *Тук. Тук.*

Ева судорожно, до боли перехватила мою руку. Пальцы у неё были ледяными.

— Кира... Господи, кто это? — едва различимо прошептала она.

Я не ответила. Горло словно засыпало сухим песком. В этот момент пришло окончательное, трезвое и оттого самое жуткое понимание: это не галлюцинация, не плод моего уставшего разума. И если кошмар стал реальным для нас обеих, значит, прятаться больше не за чем.

Женщина за дверью вдруг перестала стучать. Её чудовищная улыбка медленно, плавно растаяла. А затем она открыла рот. Слишком широко. Анатомия нормального человека

просто не позволила бы челюсти опуститься так низко, обнажая багровые десны.

— От-кро-й... — вытолкнула она из себя.

Звук прошёл по нервам, как ржавое лезвие. Голос был хриплым, шелестящим, будто под кожей этой женщины одновременно пытались заговорить несколько разных людей.

Ева тихо, обречённо всхлипнула. Паника, копившаяся внутри меня, наконец сорвала плотину. Надо бежать, звать на помощь, что-то делать! Телефон. Я лихорадочно хлопнула себя по карманам джинсов. Пусто. Твою мать, сотовый остался на столе в подсобке.

Существо за дверью уловило моё движение и чуть наклонило голову набок, словно прислушиваясь к шороху. В то же мгновение её глаза изменились — белки стремительно затопила густая, чернильная чернота, не оставив ни зрачков, ни бликов.

Ева подавила крик. И в эту секунду вся кофейня погрузилась во тьму. Электричество отрубил с сухим щелчком. За разбитым окном кто-то тихо, утробно засмеялся.

Я вслепую нащупала плечо подруги и дёрнула к себе:

— Не шевелись.

— Кира, мне страшно...

— Тихо ты!

Снаружи монотонно шуршал ноябрьский дождь. Ветер швырял капли в стекла, и сквозь этот шум пробился новый звук. Скрежет. Тварь медленно вела когтями по металличе-

скому профилю двери, затем по стеклу... а потом звук пополз вверх. Набирая скорость, существо снаружи карабкалось по вертикальной стене кофейни.

Внутри у меня всё окончательно заledenело. Это бред. Этого не может быть.

Где-то под потолком с натужным писком сработал блок аварийного питания. Тусклый, грязновато-красный отблеск залил половину зала, выхватывая из темноты силуэты столов. И тут я увидела её.

Она висела с той стороны панорамного остекления, прямо на уровне наших лиц. Намертво присосавшись к стеклу, как гигантское, изломанное насекомое. Её длинные, сухие руки были неестественно вывернуты в суставах, пальцы цеплялись за стыки под немыслимыми углами.

А лицо... Человеческого в нем почти не осталось. Серая кожа ходила ходуном, лопааясь мелкими трещинами, будто под ней копошились черви. Огромный, растянутый рот замер в немом оскале, и вся эта гнилая масса смотрела сверху вниз. Прямо на меня. Ей была нужна только я.

Тварь резко, со всей силы впечатала ладонь в стекло. Ева истошно закричала, вжимаясь в меня. Я рванулась назад, увлекая её за собой по полу. Второй удар — и по прочному стеклу побежала тонкая, зловеще блеснувшая в красном свете паутина трещин.

— Кира... — голос Евы сорвался на сип. — Оно сейчас зайдёт...

— Отойдите от двери, — негромко и буднично произнёс кто-то за нашими спинами.

Мы обе резко обернулись, едва не столкнувшись лбами.

В паре шагов от стойки, прямо посреди тёмного зала, стоял мужчина. Высокий, в промокшей штормовке, с которой на пол стекали тяжёлые капли. Тёмные волосы облепили лоб. Я была готова поклясться, что колокольчик на входе не звенел, да и дверь была заперта — он возник из теней так, словно всегда там находился.

Его лицо выглядело на редкость уставшим и злым — так смотрит человек, которому в конце тяжёлой смены подкинули неоплачиваемую переработку.

— Кто... кто вы? — заикаясь, выдохнула я.

Он даже не посмотрел в мою сторону. Перевел холодный, равнодушный взгляд на беснующуюся за стеклом тварь и коротко, сквозь зубы выругался.

Женщина-насекомое снаружи вдруг замерла. Её шипение стало более тонким, прерывистым, в нем слышалась ярость напополам с удивлением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.